

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ: УЧЕННЫЕ ДЛЯ ИРАНА, ПЛУТОНИЙ ДЛЯ КНДР, ОБОГАЩЕНИЕ ДЛЯ ИЗРАИЛЯ

**Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного
оружия на современном этапе. М.: РИСИ, 2007. 328 с.**

Рецензия – Антон Хлопков

В этой книге один из немногих в России последовательных исследователей проблем нераспространения В.Е. Новиков рассматривает ракетно-ядерный потенциал *де-факто* ядерных государств и государств, которые ближе других находятся к созданию ядерного взрывного устройства (ЯВУ)¹.

Ценность исследования во многом предопределяет комплексный подход автора, который рассматривает политические и технологические аспекты проблемы (автор является выпускником Московского авиационного института).

Наверное, каждый из читателей этой книги (как и любой другой) не согласится с отдельными выводами автора (например, мне, в отличие от автора, трудно представить реалистичную ситуацию, при которой КНДР согласится на ликвидацию созданных ЯВУ), однако следует поблагодарить его за систематизацию многочисленных данных из почти 400 источников, результаты которой предлагают читателю много пространства для комплексного осмысления современного состояния режима нераспространения и поиска причин его нынешнего кризиса.

MADE IN USA

Особого внимания заслуживает рассмотрение автором источников экспертизы иранских ученых в ядерной и соответствующих прикладных областях. Еще семь-восемь лет назад, что называется, по определению, в западной литературе (за редким исключением) принято было считать, что основные успехи иранских ученых в ядерной области являются результатом сотрудничества с Россией в 1990–2000-х гг. (иногда эти сомнительные лавры делили Россия и Китай). Миф был частично развеян после вскрытия сети Абдул Кадыр Хана, когда появились неопровержимые доказательства того, что источником технологии центрифужного обогащения (и не только) является Пакистан, а не Россия, как это считалось в первые недели после обнаружения в Иране обогатительного комбината в Натанзе. Однако скептиков хватало и после этого, – стали говорить о том, что если не технологии российские, то уж экспертиза ученых из России – наверняка.

В книге В.Е. Новикова на основе изучения документов Главного счетного управления США показываются масштабы обучения иранских ученых в американских вузах и научно-исследовательских институтах. Всего по оценке автора в ведущих лабораториях и университетах США во времена шаха прошли подготовку около 200 ученых для Организации по атомной энергии Ирана (с. 245).

Кто-то может возразить – дескать, это было почти 30 лет назад, а подготовленные для шахского режима ученые давно покинули Иран в поисках лучшей жизни, уехав в Канаду, США и другие страны. Факты говорят о другом...

Многие действительно остались и сделали себе карьеру в США. Так выпускник Массачусетского технологического института (МТИ) Фарид Бамдад на протяжении многих лет является сотрудником Совета по ядерной безопасности на предприятиях ядерно-оружейного комплекса, работающих в интересах министерства обороны США. Однако значительная часть иранских ученых, получивших образование в США, сделали себе успешную карьеру на родине. Так, Моххамад Закер стал руководителем исследовательского ядерного реактора, Мансур Хадж Азим – заместителем главы Организации по атомной энергии Ирана. Последний называется в западных СМИ куратором секретного научного центра, имеющего отношение к исследованиям в области создания ядерного оружия. До недавнего времени постоянный представитель Ирана при международных организациях в Вене Али-Акбар Салехи является бывшим аспирантом МТИ².

В настоящее время, учитывая высокий уровень подготовки, иранские студенты по-прежнему принимаются в ведущих университетах США, имеющих сильные программы по техническим дисциплинам, включая Гарвардский и Стэнфордский университеты, Калифорнийский технологический институт, МТИ и др. В 2003 г. только в аспирантуру Департамента прикладного электричества Стэнфордского университета было зачислено 15 иранских студентов, большинство из которых является выпускниками Шарифского технологического университета, учебные программы которого в 1960–1970-е гг. создавались в сотрудничестве с МТИ. При этом, согласно данным Института международного образования, опубликованным в ежегодном исследовании Orep Doorg, в 2005–2006 учебном году всего в США обучались 2420 студентов из Ирана³. По данным того же исследования, годом позже количество иранских студентов в американских университетах «значительно увеличилось»⁴.

Впрочем, обучение иранских студентов в высокотехнологичных областях продолжается не только в американских университетах. В начале 2006 г. МИД Японии обнаружил, что около 40 иранских ученых были вовлечены в японских университетах и научно-исследовательских организациях в «*продвинутые* исследования в ядерной области, имеющие двойное назначение». Все они беспрепятственно получили визы на обучение и проведение исследований в Японии. Помимо этого, несмотря на включение правительством Японии Тегеранского университета в список иностранных организаций, вызывающих подозрение в области нераспространения, Университет Токио, Университет Тохоку и Университет Рюкю заключили соглашения с Тегеранским университетом на академические обмены⁵.

Россия во второй половине 1990-х гг. почти полностью свернула подготовку иранских студентов и аспирантов в российских вузах в области точных и прикладных наук, таким образом прекратив экспорт своих социальных, экономических и технологических стандартов, что является важной и неотъемлемой частью выстраивания двусторонних отношений на долгосрочную перспективу. В то время (под давлением со стороны США) *рубили с плеча*, и вместо *уточнения* программ обучения иранских специалистов, изъятия из них дисциплин, имеющих потенциально двойное применение, закрывали целые программы подготовки. Возможно, приходит время пересмотреть государственный подход в этом вопросе, естественно, с учетом национальных интересов в области безопасности и международных обязательств России в области нераспространения.

Тем, кто интересуется вопросом подготовки кадров для Организации по атомной энергии Ирана, рекомендую внимательно изучить соответствующий раздел монографии (с. 245–247).

ОБОГАЩЕНИЕ УРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ДЕЛАЙ КАК Я, ДЕЛАЙ СО МНОЙ, ДЕЛАЙ ЛУЧШЕ НАС

В последние годы при обсуждении вопросов ядерного нераспространения на межправительственном уровне акцент активно смещается от проблем универсальности к проблемам выполнения обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия

(ДНЯО) и соглашениям о всеобъемлющих гарантиях с МАГАТЭ. Таким образом, все реже вспоминают, что Индия, Пакистан и Израиль находятся за пределами ДНЯО. И если говорить о праве на обогащение урана, то речь идет о праве Ирана, Ливии, других стран Ближнего Востока.

В монографии автор ставит вопрос в отношении обогатительных мощностей Израиля. Согласно выводам автора, «не вызывает сомнений тот факт, что в стране действуют лабораторные установки по обогащению урана», помимо этого, автор добавляет: «Нельзя отрицать вероятность (как бы мала она ни была), что в Израиле существуют полупромышленные установки по обогащению урана, способные нарабатывать необходимое количество ядерной взрывчатки». Таким образом, заключает автор, «небольшая вероятность того, что Израиль имеет ядерные взрывные устройства на основе оружейного урана, все же существует, и игнорировать ее нельзя» (с. 189). Можно ли в этих условиях результативно требовать от Ирана временной приостановки работ в области обогащения урана?

ЧЕРНЫЙ РЫНОК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ТЕХНОЛОГИЙ: МАСШТАБЫ УГРОЗЫ

Почти 10 лет назад мне довелось присутствовать в одном из ведущих вузов страны на защите дипломной работы, посвященной проблеме незаконного оборота ядерных материалов (ЯМ) и *черного рынка* ЯМ и технологий (ЯТ). Вопреки выводам соискателя, представитель профессорско-преподавательского состава университета доказывал, что черного рынка ЯМ и ЯТ нет и быть не может. Время показало, что может... еще как может... В монографии В.Е. Новиков затрагивает вопрос масштабов этой проблемы.

Автор обращается к проблеме незаконного оборота ЯМ и технологий в разделе, посвященном пакистанской ядерной программе (с. 117–174). Согласно его данным, только 70 немецких компаний поставляли в Пакистан сложное электронное оборудование, комплектное оборудование для производства гексафторида урана, беррилия, циркония и др. в нарушение национального законодательства (с. 117). Здесь же уместно снова вспомнить про сеть Абдул Кадыр Хана, которая позднее *перераспределяла* полученные технологии в третьи страны, и другую разветвленную организацию – *Umma-Tameer-e-Nau*, основанную одним из бывших руководителей Пакистанской комиссии по атомной энергии Башируддином Махмудом и предлагавшую свою экспертизу в производстве ядерного оружия на внешний рынок⁶. А если теперь полученное помножить на количество пакистанских государственных и частных организаций, задействованных в ядерных и ракетных программах, а их около 90 (с. 119), а также количество стран, физические и юридические лица которых, по данным МАГАТЭ, принимали участие в работе сети А.К. Хана (их 40), то потенциальные масштабы *черного рынка* приобретают угрожающие масштабы...

Очевидно, что решение этой проблемы требует постоянной координации усилий ведущих игроков на международной арене, чего пока по разным причинам, в том числе в отношении Пакистана, не происходит.

ПЛУТОНИЙ СЧЕТ ЛЮБИТ

Для тех, кто внимательно следит за урегулированием кризиса вокруг ядерной программы КНДР, обращу внимание на с. 276, где автор рассматривает мощности Северной Кореи по производству оружейного плутония.

Одним из актуальных вопросов в рамках шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе на современном этапе является определение количества плутония, наработанного на газографитовом реакторе в Ненбене. Представители руководства КНДР утверждают, что было наработано около 30 кг плутония⁷. В то же время, согласно расчетам ученых из российских и американских ядерных лабораторий, эта цифра составляет до 60 кг. Так, согласно оценкам эксперта ВНИИЭФ Ю.А. Юдина, КНДР могла наработать 42–67 кг плутония и выделить 38–60 кг плутония⁸. По оценкам бывшего директора Лос-Аламосской лаборатории Зига Хекера, неоднократно посещавшего Пхеньян, а также сам реактор в Ненбене, КНДР могла наработать 40–50 кг плутония⁹.

По данным авторитетного Института по проблемам науки и международных отношений, КНДР было наработано 46–64 кг плутония¹⁰.

О ТИРАЖЕ И ЧИТАТЕЛЯХ

К сожалению, формат журнальной рецензии не позволяет рассказать обо всех примечательных выводах и выкладках автора, а их уместилось немало на более чем 300 страницах книги. С ними можно полемизировать, не соглашаться, но они провоцируют. На мой взгляд, главное в книге – поиск, поиск ответов на вопросы, которые сегодня ставят перед режимом нераспространения новые вызовы и угрозы.

В связи с этим хочется позавидовать экспертам, политологам и дипломатам, кому еще только предстоит погрузиться в чтение и осмысление этой объемной и многогранной работы; а также посочувствовать тем, кому не удалось получить ее экземпляр для своей библиотеки – безусловно, эта монография должна присутствовать на книжной полке каждого исследователя, серьезно занимающегося проблемами международной безопасности и нераспространения. Тираж книги составляет всего 350 экземпляров, что, очевидно, не соответствует уровню ее востребованности в экспертной среде и делает маловероятным ее попадание в библиотеки российских региональных университетов. Достаточно сказать, что в, пожалуй, крупнейшую российскую специализированную библиотеку по проблемам нераспространения – библиотеку ПИР-Центра – удалось *добыть* книгу только спустя почти полгода после ее выхода из печати. Частично проблему *ограниченности* тиража могло бы решить размещение полной версии книги на сайте Института стратегической стабильности, которому принадлежат права на издание монографии¹¹.

Примечание

¹ Среди недавних работ автора можно выделить: Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. *Ядерный Контроль*. 2002, № 5. С. 49; Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. *Ядерный Контроль*. 2003, № 2. С. 17; Утечка ядерных технологий из Пакистана. *Ядерный Контроль*. 2004, № 2. С. 95.

² Stockman Farah. Iran's Nuclear Vision First Glimpsed at MIT. *Boston Globe*. 2007, March 12.

³ U.S. Life for Iranian Students. http://www.educationusairan.com/study_basics/us_life.htm (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁴ Open Doors 2007: International Students in the United States. <http://opendoors.iienetwork.org/?p=113743> (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁵ Japanese Perspectives on Regional Proliferation. Presentation made by Katsuhisa Furukawa, Research Fellow, RISTEX, Japan Science and Technology Agency, at the International Conference «Over-the-Horizon Proliferation: Challenges for Interdiction and Counter-Proliferation Policy», Naval Postgraduate School. Monterey, CA, USA. 2007, June 19. P. 27. <http://www.ccc.nps.navy.mil/si/2007/Aug/OTH-furukawaAug07.pdf> (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).

⁶ Подробнее см.: Евстафьев Геннадий. Политика в стиле *Slam Dunk*. *Индекс Безопасности*. 2008, № 1. С. 135–136.

⁷ Estimate of North Korean Plutonium Stockpile Boosted. *Global Security Newswire*. 2008, May 14. http://www.nti.org/d_newswire/issues/2008_5_14.html#AC597E59 (последнее посещение – 17 мая 2008 г.).

⁸ Юдин Юрий. Технические аспекты ядерной программы КНДР. *Ядерный Контроль*. 2006, № 1. С. 135–136.

⁹ Up Close With North Korea's Nuclear Reactor. *New York Times*. 2008, February 29.

¹⁰ Albright David, Brannan Paul. The North Korean Plutonium Stock. Institute for Science and International Security. 2007, February 20. <http://www.isis-online.org/publications/dprk/DPRKplutoniumFEB.pdf> (последнее посещение – 17 мая 2008 г.).

¹¹ На момент написания рецензии на сайте РИСИ был размещен лишь раздел Введение. См. http://www.riss.ru/library/nov_07.pdf (последнее посещение – 18 мая 2008 г.).